

19 ИЮН. 43

К. КУЗНЕЦОВ ЭДВАРД ГРИГ —
МУЗЫКАНТ И МЫСЛИТЕЛЬ

15 июня 1843 года родился Эдвард Григ. В его лице норвежский народ чтит память одного из своих великих духовных вождей. Своей музыкой, как Ибсен драмой, Григ возвысил норвежское искусство до подлинно мирового значения.

Григ испытывал к русской музыке глубокую симпатию. Особенно сильно было его тяготение к Чайковскому. Когда, по случаю 60-летия Грига, в 1903 г. возник проект постановки его бюста, композитор откликнулся такими словами: «Надеюсь, мне суждено счастье стоять рядом с моим, чтимым, другом Чайковским. Он — мастер, по моему сердцу». Одна из последних книг, которую Григ читал перед смертью, была биография Петра Ильича, написанная его братом Модестом. Григ ею пользовался в английском переводе. «Тружусь по вечерам над английской книгой «Жизнь и переписка Чайковского». Она идёт в самую глубину моей души. Порою чудится, будто я гляжу в мою собственную душу. Я нахожу здесь столько от меня самого» (письмо 1906 г.). И русская музыка глубоко впитала и творчески претворила музыкальное наследие Грига, в частности Рахманинов, Прокофьев.

Григ, в его богатой переписке, выступает перед нами как композитор, неустанно и напряженно работающий над собой. Ровно за год до смерти (письмо 1906 г.) Григ говорит: «О если бы я мог расти — до конца моих дней! Творчество Грига вскрывает картину непрерывного роста, буквально до последнего дыхания.

«Поздний» Григ, действительно, не менее яркое, индивидуальное и свежее, нежели «средний» или «ранний». Вспомним этот период его жизни. Он — уже 60-летний человек. Дышит лишь одним, слабым, лёгким. Усиленная работа сердца гонит сон. Бессонницы непобедимы и причиняют невыносимые страдания. Нужно отказаться от одной из главных радостей — от прогулок в горы, с верными друзьями. Композитор здесь сливался с норвежской природой, упивался ароматом её высоких лугов, уносил в память или в записи песни и наигрыши. За три года до смерти Григ совершил последнюю прогулку в горы и описал, как, спускаясь в долину, он слышал замиравшие вдали звуки пастушеского рога, с мелодией, древней, скупой в объёме. Её на пастушеском роге исполняла девушка-доярка. Эти три ноты, в пределах малой терции, звучат в одной из чудесных, поздних, песен Грига, в его «Тоске по родине» (ор. 57, № 6).

В числе композиций Грига мы находим две, особенно поучительные как примеры неустанности его работы над собой. Это прежде всего «Слоттер», «Норвежские крестьянские танцы» (ор. 72). Григ их закончил в 1903 г., по записям, которые сделал Хальворсен, с игры деревенского музыканта Далэ, исполнителя на старинной скрипке. Григ использовал 17 записей, и на их основе создал одно из самых замечательных и вместе с тем исключительно оригинальных произведений. Страницы национальных плясовых мелодий перемежаются с лирическими излияниями самого Грига. Обратите внимание на № 7, куда Григ вложил столько сердечной тоски — именно в эпизод, над которым надпись: «с печалью».

Композитор вскрыл для себя и творчески воплотил для нас ту характерность национальной, инструментальной, мелодики, про которую Хальворсен писал Григу: «Здесь мелкие завитушки и трели, будто форель в быстром потоке». Какое меткое, норвежское, сравнение!

«Танцы» Грига удивительны не только по мелодике, ритмике, орнаментике, но и по гармоническим смелостям. Гармония, как известно, составляет одну из самых сильных и оригинальных сторон в музыке Грига. В «Танцах» композитор доводит до предела свой гармонический стиль.

В записке, которую Григ составил для своего американского биографа Финка, композитор пишет: «Царство гармонии всегда было моим странным миром; мое гар-

моническое чутьё всегда сохраняло свою тайну для меня самого; я уверен, что тёмная глубина в нашей национальной музыке заключается в том, что в ней скрыты неизведанные гармонические возможности. В моей трактовке национальных мелодий я пытаюсь дать отражение их скрытым гармониям».

За год до смерти Григ создал произведение, в новом для себя стиле, именно в чисто-хоровом, без инструментального сопровождения. Это — четыре псалма (для смешанного хора и баритона соло) — сочинение глубокомысленное и вместе с тем непосредственное.

Но таков Григ и во всём его личном, творческом облике: по-детски непосредственный, искренний, предельно безыскусственный и в то же время полный напряжённой, острой думы о своём творчестве, о жизни и судьбе родины.

Мы Грига привыкли ценить, как непосредственного лирика, фантаста, как «романтика». Сам композитор, в письме к своему другу, датскому поэту Паульсену, на тексты которого он сочинил многие свои вдохновенные песни (среди них гениальный «Вечерний час»; ор. 26, № 2), писал: «Мы оба — романтики». Но Григ был не только романтиком, погруженным в мечты, подслушивающим древние зовы природы. Он был острым и зорким мыслителем. Эту работу мысли, серьёзной и сосредоточенной, Григ высоко ценил в каждом народе и в своём норвежском народе.

Каждому из нас, при имени Грига, на память приходит длинная вереница его лирических композиций. Сам он охотно, под именем «Лирические пьесы», объединял свои романтические вдохновения. Но мы реже вспоминаем и даже, признаваясь, меньше знаем такие сочинения Грига, как, например, его фортепианные вариации на норвежскую мелодию: «Полный мыслей я шёл» (ор. 66, № 18).

Мы высоко ценим Грига за его умение в немногом выразить многое, за исключительную сжатость, лаконичность его музыкального языка. Сам композитор прекрасно понимал, что таково основное качество его национального искусства, в частности поэзии, начиная с древности. Вот слова Грига из письма к его биографу Финку: «Тот, кто читает Эдду (норвежские песнопения; XIII в.), ощущает удивительную силу и скупость выражения, способность в немногих словах сказать многое. Читатель Эдды поражен простым, пластичным членением формы. То же нужно сказать и про норвежские саги, в особенности саги Снорре Стурлусона (начало XIII в.). Бурный океан страстей скорее ощущается, нежели воочию показывается. Ведь тогда считалось грубостью выкладывать свои лучшие чувства. Именно для этих чувств, язык — столь же сжатый, сколько и целомудренный. То, что в этом отношении осуществили поэты, и я стремился осуществить в музыке — в особенности, в моих песнях на глубокомысленные стихотворения крестьянских поэтов, Винье и Гарборта». И дальше Григ подчеркивает, что его стилю органически чужда внешняя парадность, свойственная немецкому искусству. «Это не в натуре норвежца».

Григ создал непревзойдённые по собранности содержания и чеканности формы миниатюры. Но он чувствовал потребность творить и в крупных формах. Его фортепианный концерт, фортепианная баллада (местами удивительно близкая к «Руслану»), скрипичные сонаты, виолончельная соната, сюиты, квартет занимают широкое место в творчестве Грига и не позволяют назвать его только мастером малых форм.

Монументальное дело творческой жизни Грига — музыка к «Пер Гюнту». Драма Ибсена живёт и будет жить именно в содружестве с музыкой Грига. Но ведь вредный предрассудок — думать, будто лишь опера, а не драма с музыкой — путь на музыкальный Олимп. Об оперных исканиях Грига можно было бы сказать очень много. Отметим лишь, что Григ решительно отвергал вокальный стиль Вагнера: «Такой промежуточный метод, пение и не пение, не имеет будущности; он не в силах пустить у народа жизненные корни, хоть его и защищать в целом потоке брошюр».

Резко противостоят толкам современных фашистских «теоретиков» о «нордической расе» мысли Грига о северном духе. В понимании Грига «северный дух» — это живое ощущение природы Севера, его неповторимого колорита, его своеобразного быта и пейзажа. Это ощущение, бесспорно, наложило свой неизгладимый отпечаток на стиль и норвежских, и русских северных композиторов. Григ — северянин, так же как северяне — Корсаков-тихвинец и Рахманинов, его земляк из Онега.

Композитор-патриот Григ был полон поэзии, но и полон силы сопротивления. Он писал Паульсену (1870 г.): «Пусть родится в тебе стальная закал, стальная, стальная, а если ты меня спросишь, откуда я его достану, то у меня есть лишь один, страшный ответ: купи его ценою крови твоего сердца».

Творчество Грига было и остаётся живым протестом против насильственного уничтожения норвежской культуры, норвежского искусства. — в их прекрасной самобытности.

185